

П. Н. Базанов

Петербургский историк в изгнании: судьба, творчество и историография. Часть 1

Комплексное исследование жизни и деятельности известного представителя второй русской эмиграции Николая Ивановича Ульянова. Статья основана на неопубликованных документах из отечественных и зарубежных архивов. Впервые дается историография творчества Н. И. Ульянова.

Ключевые слова: русская эмиграция, Н. И. Ульянов, украинский сепаратизм, философия истории

Petr N. Bazanov

Petersburg historian in exile: the destiny, creativity and historiography. Part 1

A comprehensive study of the life and activity of famous representative of the second Russian emigration Nikolay I. Oulianoff. The article is based on unpublished documents from the Russian and foreign archives. Historiography of creativity Nikolay I. Oulianoff is given for the first time.

Keywords: Russian emigration, Nikolay I. Oulianoff, Ukrainian separatism, philosophy of history

Известный представитель второй «волны» русской эмиграции – историк Николай Иванович Ульянов родился в Санкт-Петербурге 23 декабря 1904 г. (5 января 1905 г. по новому стилю). На его долю выпала судьба необычная даже для интеллигенции второй русской эмиграции: преподавание в советских вузах, незаконный арест, война, фашистский плен, побег, жизнь на оккупированной территории, угон на принудительные работы в Германию, лагеря для «перемещенных лиц», работа на заводе в Касабланке и возвращение к преподавательской и научной деятельности в Йельском университете США.

Научное наследие крупнейшего представителя второй «волны» русской эмиграции, историка, философа и литературоведа Николая Ивановича Ульянова уже довольно хорошо известно на родине. За 20 лет в России переиздано более 65 его работ, и о нем опубликовали более 150 биографических материалов. Большинство биографических статей и очерков, посвященных Н. И. Ульянову, – это пересказ официальной версии жизни и деятельности историка, опубликованной в сборнике статей его памяти «Отклики»¹, а именно, статей П. А. Муравьева «Жизнь – это творчество»² и С. Е. Крыжицкого «Н. И. Ульянов»³. Иногда, далеко не у всех авторов, биография историка добавляется подробностями из некрологов С. А. Зеньковского «Верный флаг»⁴ и В. Д. Самарина «Служение России»⁵. Причем видно, что основой для всех этих публикаций послужила автобиография историка, предоставленная вдовой ученого Надеждой Николаевной Ульяновой (1914–2003). С первых же публикаций на родине стало очевидно несоответствие эмигрантской версии советской биографии Н. И. Ульянова, не говоря уже

про реальную действительность. Укажем хотя бы на такой факт – Н. И. Ульянов не мог окончить в 1927 г. «историко-филологический факультет» не только СПбГУ, но даже ЛГУ, потому что такого факультета не было. Сложность в восстановлении подлинных биографических данных о деятелях второй «волны» эмиграции состоит в том, что многие из них, уже отсидев в советских лагерях и тюрьмах, просто не хотели «облегчать работу МГБ» по обнаружению оставшихся в СССР родственников и друзей, которым взаимоотношения с эмигрантами грозили серьезными неприятностями. Родные и близкие использовались также спецслужбами для оперативной работы и просто для шантажа бывших советских граждан.

В начале 1990-х гг. в России началось возвращение творчества историка на Родину. На основе «Откликов» обычно писалось маленькое биографическое вступление, и публиковалась какая-либо из известных статей. Первым начал процесс возвращения журналист Виктор Абарин⁶, нужно так же подчеркнуть роль в популяризации творческого наследия Н. И. Ульянова деятельность доктора филологических наук В. А. Кошелева и кандидата филологических наук А. В. Чернова⁷. Журналист В. Г. Бондаренко в своих статьях рассматривал жизнь и творчество Н. И. Ульянова на фоне истории второй эмиграции⁸. Остальные многочисленные статьи представляют собой пересказ или переложение «Откликов» с неизбежным повторением вкрадшихся фактических неточностей. Многие работы Н. И. Ульянова публикуются с научными комментариями или примечаниями⁹.

Тем не менее сразу же появились работы, в которых авторы использовали данные, найденные об Н. И. Ульянове в отечественных архивах,

привлекали вновь вышедшие воспоминания о нем, использовали уточненные биобиблиографические материалы. К таким работам нужно отнести статьи архангелогородского исследователя Ю. В. Дойкова «Историки» и «Личное дело № 43, или судьба эмигранта Ульянова»¹⁰, основанные на переписке с вдовой историка Н. Н. Ульяновой и сведениях из архива РАН в Санкт-Петербурге. К ним примыкает и публикация петрозаводского публициста Ю. В. Линника «О „Мемориале“ и его авторах»¹¹. Оба исследователя заинтересовались вопросом как политический заключенный попал на Соловецкие острова в 1936 г., когда знаменитый лагерь был преобразован в уголовный. Возникал естественный вопрос, а был ли там Н. И. Ульянов, не приукрасил ли он в эмиграции свою лагерную жизнь этим? Петербургские историки В. С. Брачев и А. С. Лавров в статье «Н. И. Ульянов – историк России» значительно расширили базу изучения жизни и творчества историка, введя в научный оборот сведения из его личных дел (служебного и партийного), хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургском центре хранения и изучения документов политической истории¹². Порой интересные вещи оказываются в неожиданных местах. Так в статье Л. Владимировой и В. Враской «Урок внутренней свободы»¹³ приведена фотокопия письма Н. И. Ульянова к А. Н. Богословскому, июнь 1980 г.¹⁴ Н. И. Ульянову посвящены разделы в докторской диссертации и книгах петербургского историка Е. В. Петрова¹⁵, который исследует профессорскую деятельность в рамках русско-американского преподавательского сообщества в XX в. П. В. Комаровцев во вступлении к мемуарам М. В. Вишняка «Годы эмиграции 1919–1969: Париж – Нью-Йорк» объективно изложил историю конфликта двух известных эмигрантов¹⁶. Петербургский историк К. М. Александров написал довольно точную биографию Ульянова в словаре одного из руководителей Конгресса русских американцев Е. А. Александрова «Русские в Северной Америке»¹⁷.

Крупнейшим исследователем жизни, деятельности и творчества Н. И. Ульянова является московский историк В. Э. Багдасарян. Его перу принадлежит единственная кандидатская диссертация о Н. И. Ульянове, очень редкая книга о нем и ряд биографических статей в энциклопедиях и справочниках¹⁸. К заслугам В. Э. Багдасаряна нужно, прежде всего, причислить использование материалов о Н. И. Ульянове из московского отделения архива РАН, связанных с обучением историка в аспирантуре в Москве.

С 1991 г. творчеством Н. И. Ульянова занимается автор настоящей статьи. П. Н. Базановым

введены в научный оборот неопубликованные материалы из фонда С. Ф. Платонова в ОР РНБ, Архангельского государственного архива общественно-политических движений и формирований, личного дела из Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также переписка Н. И. Ульянова, хранящаяся в Бахметевском и Гуверовском архивах¹⁹. П. Н. Базанов видел свою задачу в выявлении неизвестных публикаций Н. И. Ульянова и работ о нем. Первую биобиблиографию историка составила его вдова – «Список печатных трудов Николая Ивановича Ульянова»²⁰, вслед за ней появилась библиографический указатель П. Н. Базанова «Николай Иванович Ульянов»²¹.

Среди других направлений изучения творчества Н. И. Ульянова нужно выделить работы о нем как о писателе и литературном критике²². Значительным вкладом в изучение Н. И. Ульянова как писателя стала глава из монографии сотрудника Российской государственной библиотеки М. Е. Бабичевой «Писатели второй волны русской эмиграции: биобиблиогр. очерки»²³. Обозначилось направление, изучающее его исторические работы в связи с трудами советского времени по истории Русского Севера и Коми²⁴. Много работ посвящено актуальности взглядов Н. И. Ульянова в связи с современной политической обстановкой, в особенности как контраргументации в полемике с «украинскими самостийниками».

За последние 20 лет в России были переизданы и книги Н. И. Ульянова. Еще в 1992 г. в газетном формате в виде специального приложения к еженедельнику «Русский вестник» в сокращенном виде под названием «Откуда пошло самостийничество»²⁵ напечатана была брошюра «Происхождение украинского сепаратизма»²⁶. Полностью монография вышла репринтным изданием в издательстве «Индрик». Еще раз под неавторским названием «Украинский сепаратизм: идеологические истоки самостийности»²⁷ она была переиздана издательствами «ЭКМО» и «Алгоритм» в 2004 г. в серии «Горячая линия». В этом издании, явно приуроченном к президентским выборам на Украине, было исключено авторское предисловие, бывшее перед первой главой (с. 3–8). Не лучшей была публикация со вступительной статьей Л. М. Аринштейна, который вырезал из книги примечания (библиографические ссылки) Н. И. Ульянова²⁸. Предисловия ко всем четырем переизданиям ничего нового ни об Н. И. Ульянове, ни о концепции сепаратизма не содержат. Больше повезло историческому роману «Атосса (Поход Дария в Скифию)», отдельно переиздававшемуся четыре раза. Пер-

вый раз его выпустили издательства «Дрофа» и «Новая книга» в 1993 г. вместе с романом Г. Эберса «Император»²⁹, которого Н. И. Ульянов не любил как исторического писателя. В том же году стереотипным изданием выпустила «Атоссу» «Новая книга». На следующий год «Атосса» вместе с очерком «Исторический опыт России» была напечатана в первом номере «Роман-газеты»³⁰, затем в виде отдельной книжки был выпущен один исторический роман³¹.

Все попытки переиздать «Сириус» или сборник произведений Н. И. Ульянова закончились неудачно. Единственным исключением может послужить третий выпуск антологии «Русские философы, конец XIX – середина XX в.: биографические очерки; библиография; тексты сочинений»³². Вместе с тем, вопреки названию, тексты (без комментариев) являются перепечаткой из сборника «Диптиха» (Шестая печать); «Патриотизм требует рассуждения»; «Басманный философ» (Мысли о Чаадаеве); IGNORANTIAEST; Русское и великорусское), биографический очерк составлен на основе «Откликов» и некролога С. А. Зеньковского, а библиография является минимальным списком литературы из 37 названий.

Постепенно появляются публикации источников о жизни и деятельности Н. И. Ульянова. Так появились «Собственные показания С. Ф. Платонова 14 марта 1930 г.»³³ и упоминание о поведении Н. И. Ульянова в Соловецком лагере³⁴. Большое значение сыграло издание мемуаров учеников Н. И. Ульянова 30-х гг. историков Г. М. Дейча³⁵ и М. Б. Рабиновича³⁶. Новые вехи для исследователей открывают и публикации переписки русских эмигрантов – современников Н. И. Ульянова, хотя они чаще всего пристрастны в своих суждениях, а в комментариях не всегда содержится подоплека острой идейной борьбы в Русском Зарубежье³⁷. Опубликованы с научными комментариями архивные документы биографического характера о Н. И. Ульянове из Архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Архангельского государственного архива общественно-политических движений и формирований и Гуверовского архива (США), тем самым введен в оборот новый фактический материал и опровергнуты многие эмигрантские мифы и легенды³⁸.

Вернемся еще раз к биографии Н. И. Ульянова. Он родился в рабочей семье, предки его были крестьянами села Ганежа Осминской волости Гдовский уезда Петербургской губернии³⁹ (ныне не существует, находилось в Лужском районе Ленинградской области). В 1916 г. окончил начальную городскую школу и поступил в Высшее начальное городское 4-классное училище, преобразованное после Октябрьской ре-

волюции в 6-ю единую трудовую школу второй степени⁴⁰. Среди увлечений юности будущего историка стоит выделить страсть к театру. Он даже учился в «Институте ритма совершенного движения», в основанных В. Э. Мейерхольдом «Курсах мастерства сценических постановок» (Курмасцеп) в 1919–1922 гг. и практиковался в качестве актера в Мариинском театре⁴¹. Впоследствии театральные увлечения пригодились ему в работе художественного совета городского театра Архангельска⁴² и в двух спецкурсах «Театр и драматургия в России» и «История русской культуры», которые он читал в Йельском университете⁴³. Повлияли они и на художественные взгляды Н. И. Ульянова. В своих критических статьях он будет решительно защищать любившиеся ему произведения от упреков в «театральности», замечая, что все лучшее в русской культуре Серебряного века было замешано на театре или связано с ним⁴⁴.

В 1922–1927 гг. Н. И. Ульянов учился на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук Петроградского университета, в 1925 г. перевелся на 4-й курс историко-археологического цикла факультета языкознания и материальной культуры⁴⁵. Самое большое влияние на формирование взглядов молодого историка оказал академик С. Ф. Платонов, последним учеником которого стал Н. И. Ульянов⁴⁶. С. Ф. Платонов упоминает Н. И. Ульянова как близкого знакомого и в знаменитом «академическом деле»⁴⁷. Под влиянием академика Н. И. Ульянов усиленно начинает заниматься историей Северо-Запада России и Русского Севера XVI–XVII вв. Первая его студенческая работа «Влияние капитала на колонизацию русского Севера в XVI–XVII вв.» была рекомендована к печати С. Ф. Платоновым в докладе на неделе русских историков в Берлине в 1927 г.⁴⁸ Другие ранние статьи молодого ученого также получали высокую оценку академика⁴⁹. Н. И. Ульянов всю свою научную деятельность руководствовался определением истории, данной его учителем: «История же есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главное целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных человеческих обществ и всего человечества»⁵⁰. Н. И. Ульянов подчеркивал, что в лице С. Ф. Платонова «русская историческая наука вступила на путь монографического изучения отдельных сюжетов и на освобождение от предвзятых точек зрения на русский исторический процесс»⁵¹. Впоследствии Н. И. Ульянов посвятил мемуарный очерк⁵² и свой последний прижизненный сборник «Скрипты»⁵³ «дорогому учителю акаде-

мику С. Ф. Платонову».

Среди своих преподавателей Н. И. Ульянов в докладе «Русские историки XX в.» вспоминал И. М. Гревса, чей курс истории раннего средневековья он слушал в 1922–1923 г. и характеризовал его лекции как «одно из моих самых приятных университетских воспоминаний»⁵⁴. Занимаясь в течение пяти лет в семинаре Е. В. Тарле, Н. И. Ульянов так характеризовал его: «лектор Божией милостью, у которого обилие фактов сочеталось с художественностью изложения»⁵⁵. «Читая лекции, Тарле никогда не сидел в кресле; то, что он говорил, подкреплял широкими жестами. Его лекции были похожи на парламентские речи. Да и по наружности он был барин – всегда по-европейски одет. В 1925 г. еще, обращаясь к студентам он, говорил: „Господа!“». Когда Тарле вернулся из ссылки в 1933 г., то «внешне он был таким же, как прежде: белоснежная рубашка, высокий жилет, костюм поношенный, но очень опрятный. Но внутренне он был уже не тот: „товарищи“, „товарищ Сталин“, „товарищ Литвинов“... Особый интерес представляла его встреча с Г. С. Зайделем и М. М. Цвибаком, которые поносили его как „вредителя“, „контрреволюционера“. Встретились они дружно, как ни в чем не бывало... Будучи в ссылке в Алма-Ате, Тарле произнес хвалебную речь, посвященную М. Н. Покровскому, который тогда только что умер, а по возвращении из ссылки „разоблачал“ того же М. Н. Покровского, потому что к тому времени изменилась партийная линия. Ни в коем случае нельзя забывать давления больше того насилия, от которого ломалась воля. Русские ученые – это Галилеи нашего времени, от которых требовали отказа от своих теорий»⁵⁶.

В 1922 г. Н. И. Ульянов слушал лекции Ф. И. Успенского, готовившего в это время «наследников», которые могли бы продолжить его работу в области византоведения и славяноведения. Н. И. Ульянов вспоминал:

Этим объяснялись его странности по отношению к студентам. Подзывая к себе незнакомого студента, акад. Успенский огорошивал его вопросом:

– Вы зачем сюда пришли?

– На лекцию...

– Что значит на «лекцию»? Просто послушать или по-настоящему хлебнуть?

Такими «допросами» акад. Успенский разогнал половину аудитории. Но все же нашел себе настоящих учеников⁵⁷.

После окончания университета в связи с централизацией поствузовского обучения

Н. И. Ульянов поступил в аспирантуру РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) в Москве. Это произошло благодаря положительному отзыву С. Ф. Платонова на вступительную работу («выдающаяся»)⁵⁸, подчеркнувшему: «Тема поднята правильно, хорошо обдумана и выполнена прекрасно, автор обладает хорошими сведениями по экономике, широко освещен в литературе вопрос и непосредственно знаком с первыми источниками»⁵⁹. Однако за постижение «исторического материализма» и политэкономии Н. И. Ульянов получил оценку «удовлетворительно», что совсем неудивительно, учитывая его отношение к марксизму.

За время обучения в аспирантуре главным недостатком считалось отсутствие идеологического энтузиазма, выражавшееся в формулировке: «В прениях на марксистском семинаре не выступает»⁶⁰. При зачислении в РАНИОН Н. И. Ульянов в документах указал место рождения не Петербург (так как ленинградец не мог поступить в аспирантуру в Москве), а родину отца (несмотря на это, во многих научных публикациях фиктивное место рождения преподносится как истинное)⁶¹. Данные из «Анкеты арестованного» НКВД в деле Н. И. Ульянова в архиве УФСБ четко указывают «Ленинград», а в подобном учреждении «анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется документальными данными»⁶², понятно, что в таких условиях в такой «мелочи», как место рождения, давать неверные сведения опасно. Информацию о Санкт-Петербурге как родине историка подтверждала и его вдова Надежда Николаевна. Да и сам Н. И. Ульянов писал в «Автобиографии», отправленной Б. И. Николаевскому: «Родился 23 декабря 1904 г. в С.-Петербурге и там же получил начальное, среднее и высшее образование»⁶³.

В РАНИОНе он учился в семинарах С. В. Бахрушина (работал над торговой книгой⁶⁴) и А. Е. Преснякова. В 1929 г. молодой историк был переведен в Институт истории Комкадемии, который и окончил в 1930 г. В это время Н. И. Ульянов учится в спецсеминаре профессора М. Н. Покровского, влияние концепций которого чувствуется в советских работах историка. С другой стороны, Н. И. Ульянов с тех пор прекрасно разбирался в марксистских взглядах на историю, а большевистские теории М. Н. Покровского критиковались им как пример высшей антинаучности и антинационального подхода к истории. Одновременно молодой историк работал в Кольской экспедиции АН СССР и библиотеке Института Ленина, где под руководством С. Н. Валка участвовал в описании

нелегального фонда РСДСРП⁶⁵. Были и факты в биографии Н. И. Ульянова, о которых он не признавался в эмиграции – это членство в ВЛКСМ с 1925 г. и кандидатство в члены ВКП (б) с 1931 г.

В начале 1930-х гг. Н. И. Ульянов работал доцентом в Северном краевом комвузе им. В. М. Молотова и Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе, где писал работы по истории народа коми. За одну из них «Очерки истории народа коми-зырян»⁶⁶ ему была присвоена степень кандидата исторических наук.

В 1933 г. Н. И. Ульянов возвратился в родной город и работал доцентом кафедры истории народов СССР Ленинградского института истории и лингвистики (ЛИЛИ), преобразованного вскоре в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Н. И. Ульянов довольно быстро занял в нем должность исполняющего обязанности заведующего кафедрой истории России и народов СССР, стал профессором ЛИФЛИ и восстановленного истфака ЛГУ, ученым специалистом Института истории АН СССР, одновременно работая в Историко-археологической комиссии АН СССР и Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева. Лекции, спецкурсы и в особенности семинары Н. И. Ульянова производили на студентов блестящее впечатление «своей манерой, любовью и знанием предмета»⁶⁷. «К его талантам преподавателя, – вспоминал его бывший студент Г. М. Дейч, – прибавилось еще очень человеческое отношение к студентам и преподавателям в пору его деканства. Вообще Ульянов не без основания считался одной из самых ярких восходящих звезд ученого, административного и, что особенно удивительно, партийного мира»⁶⁸.

В ЛИФЛИ большинство работавших было представителями так называемого «марксистского» направления в науке и являлось последователями М. Н. Покровского. Отношения с ними у Н. И. Ульянова сложились напряженные, особенно с «проработчиками» по «Платоновскому делу» профессором античности М. М. Цвибаком и деканом исторического факультета ЛГУ Г. С. Зайделем⁶⁹. Ученик С. Ф. Платонова принципиально отстаивал позиции русской классической исторической науки. Например, в многотиражке ЛИФЛИ в заметке студента Гришина говорилось: «В списке литературы, рекомендованной проф. Цвибаком для подготовки к сессии, основным пособием является курс Покровского. Тов. Ульянов, который будет принимать зачеты, в беседе с некоторыми студентами сказал, что основной упор надо сделать на проработку таких трудов, как курсы Ключевского, Платонова»⁷⁰. Среди своих коллег по ЛИФЛИ Н. И. Ульянов вспоминал положительно М. В. Левченко, который за-

нимал в ЛИФЛИ должность помощника декана и очень тяготился административной работой. На вопрос Н. И. Ульянова, не встречались ли они на лекциях Ф. И. Успенского, М. В. Левченко ответил что-то неразборчивое. Вскоре М. В. Левченко перешел работать к академику В. В. Струве и стал работать над историей Византии. Н. И. Ульянов объяснял его поведение так: «В ту пору, когда большевики косо смотрели на такие „буржуазные“ науки, как история Византийской империи, он об этом и не заикался, но, служа на маленькой должности в институте, не переставал следить за иностранной литературой по византоведению»⁷¹. Действительно, ученик Ф. И. Успенского – М. В. Левченко стал не только известным ученым, но и организовал в Ленинградском отделении АН ССР византийскую группу в 1939 г. и создал кафедру византоведения ЛГУ.

Конечно, проще всего было бы обойти работы Ульянова этого времени, просто противопоставив их более зрелым трудам, написанным в эмиграции. Однако нельзя не заметить, что именно в дискуссиях 1920-х гг. сложилась та эрудиция в истории политической и правовой мысли, то умение видеть за частным историческим сюжетом целую историко-философскую проблему, которая будет характерна для него впоследствии⁷². Тогда же появился интерес и к теме сепаратизма. В Архангельском областном архиве Н. И. Ульяновым было найдено «Дело о панфинской пропаганде в Карелии», составленное МВД царской России о попытках отторжения Беломорской Карелии. На основании этого дела он подготовил работу, погибшую при аресте, – «Буржуазно-националистическое движение и панфинская пропаганда в Карелии (1905–1917 гг.)».

Явным заблуждением является также мнение, что на работы Н. И. Ульянова советского периода его жизни в СССР никто не ссылался, а его имя было забыто вплоть до 1990-х гг. Так, например, считает сыктывкарский историк А. И. Терюков: «После ареста в 1936 г. имя Н. И. Ульянова исчезает из числа исследователей фактически до начала 1990-х гг., и никто не упоминает о его работах»⁷³. Укажем только три ссылки в историографических обзорах советского времени – Е. И. Белянцева и В. А. Оборина на работы по истории Коми⁷⁴, а В. В. Мавродина – на крестьянские войны XVII в.⁷⁵ Любопытно отметить, что в 1962 г. профессор В. В. Мавродин, друг молодости и коллега Н. И. Ульянова по ЛИФЛИ (они даже вызывали друг друга на социалистическое соревнование)⁷⁶, встретился с ним при посещении Гарвардского университета⁷⁷ и тайно от советской делегации побывал у него в гостях⁷⁸.

Поэтому В. В. Мавродин прекрасно знал, что его друг-эмигрант и профессор Йельского университета. Очевидно, цензура не отождествляла Н. И. Ульянова – советского историка (мало ли людей пропало в 1930-е гг. или во время войны) с профессором из Нью-Хейвена.

После выхода 16 мая 1934 г. Постановления Совнаркома и ЦК ВКП (б) «О восстановлении преподавания гражданской истории в школе» начинается официальное разоблачения школы М. Н. Покровского. В юбилейном номере институтской многотиражки от 7 ноября 1935 г. появилась статья Н. И. Ульянова под весьма символическим названием – «Советский исторический фронт»⁷⁹. Несмотря на очевидную для того времени смелость этих суждений, видеть в Ульянове образца 1935 г. противника марксизма едва ли возможно, хотя «платоновская» записка в нем чувствовалась. Недаром коллеги Н. И. Ульянова в качестве отрицательной черты ученого указывали на свойственный ему академизм. Ульянов лишь неосторожно публично высказал то, что было на уме, а, возможно, и на языке и многих других, правда, более осторожных коллег⁸⁰. Фраза в этой статье «наша историческая наука быстро шла к своему вырождению» была признана антипартийной формулировкой, и за это Н. И. Ульянова исключили из числа ВКП (б) 27 ноября 1935 г.⁸¹ Н. И. Ульянов был вынужден перейти на работу в архив АН СССР⁸². Вскоре злополучная статья стала причиной его ареста 2 июня 1936 г. и суда за «контрреволюционную деятельность, пропаганду и протаскивание антипартийных взглядов в печати» и как «участника к.-р. организации троцкистско-зиновьевской организации» (т. е. ст. 58–10–11 УК). Совершенно ясно, что ученик С. Ф. Платонова, непримиримый противник школы М. Н. Покровского не мог иметь просто даже дружеских отношений со своими оппонентами, а тем более входить с ними в «троцкистскую организацию. Но в 1930-е гг. случались и не такие чудеса. На следствии Н. И. Ульянов держался очень достойно, виновным себя не признавал и никого не опорочил. Против него применялась пытка лишением сна: так, на третий месяц заключения следователь держал его «в продолжении 5 суток днем и ночью без сна и отдыха, отпуская в камеру только для принятия пищи, да и то только после того, как она остывала»⁸³.

Полученный пятилетний срок Н. И. Ульянов отбывал сначала на Соловках (в Благовещенск только что тогда ушел поезд с политическими заключенными, поэтому НКВД отправило его в ближайший уголовный лагерь⁸⁴), а затем в Норильске. Практически о его пребывании в лагерях ничего не известно. Сам Н. И. Ульянов об

этом не любил рассказывать. Н. Н. Ульянова так поясняла позицию мужа в письме Ю. В. Линнику: «О своем „проживании“ на Соловках Н. И. Ульянов не пытался писать. После Второй мировой войны в эмиграции много писали на эту тему, правдоподобного и неправдоподобного, это отталкивало его от этой темы. „Этот сюжет такой захватанный и заляпанный, что нет желания к нему прикасаться“. – Так он отвечал на вопрос, почему не пишет о Соловках»⁸⁵. В критическом обзоре состояния эмигрантской литературы «Внуки Лескова» Н. И. Ульянов «проходится» по рассказу Б. Н. Ширяева «Уренский царь» (впоследствии вошедший в знаменитую книгу «Неугасимая лампада»), сомневаясь в подлинности соловецкой части произведения⁸⁶.

Впрочем, удалось найти несколько любопытных эпизодов. В деле заключенного Б. И. Алмазова, расстрелянного по доносу за антисоветские разговоры, есть упоминание, что его друг, историк из Ленинграда Н. И. Ульянов постоянно с ним соглашается и поддакивает⁸⁷. С. П. Крыжицкий вспоминал, что на одной из лекции в Йеле по церковной архитектуре Н. И. Ульянов упомянул, что он бывал в Соловецком монастыре, на что последовал вопрос американского слушателя: «В качестве туриста? – Ну, как бы вам сказать – очень своеобразного туриста»⁸⁸. Друг Н. И. Ульянова П. А. Муравьев вспоминал: «Об этих мрачных годах покойный (Н. И. Ульянов. – П. Б.) вспоминал неохотно; лишь рассказывал отдельные эпизоды. Как-то вспомнил с благодарностью заключенного-дантиста... который, работая на лагерной кухне, принес однажды Н. И-чу (Николаю Ивановичу Ульянову. – П. Б.) две сырые картофелины, чем буквально спас от начинавшейся цинги... Рассказал Н. И. (Ульянов. – П. Б.) еще, что в лагере он жил в хорошем культурном „обществе“ – ведь там собрались сливки интеллигенции... Выполнять трудовые нормы было тяжело, но переносил Н. И. (Ульянов. – П. Б.) все стоически, хотя и был обессилен. Больше всего угнетала безнадежность, сознание своей бесполезности, потерянных лет, невозможность продолжать творческую работу. Приходили нам и мрачные мысли, что, если срок будет продлен – такое нередко случалось, то он покончит с собой»⁸⁹. Реабилитирован Н. И. Ульянов прокуратурой г. Ленинграда 15 августа 1989 г.

Освобожденный из ГУЛага перед самой Великой Отечественной войной Н. И. Ульянов почти сразу же был призван на окопные работы под Москвой. В октябре 1941 г., попав в плен, он успешно совершил побег из Дорогобужского лагеря для военнопленных и прошел по немецким тылам до предместий

Ленинграда, где в Пушкине нашел свою жену Надежду Николаевну, которую не видел 5 лет со времени ареста. Они скрывались в глухой деревушке, где Н. И. Ульянов учительствовал⁹⁰. Осенью 1943 г. супругов Ульяновых угнали через Украину как остарбайтеров в Германию. В Германии Н. И. Ульянов попадает в Дахау, затем в концлагерь Карлсфельд под Мюнхеном.

(Окончание в следующем номере)

Примечания

¹ Отклики: сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / ред. В. М. Сечкарев. Нью Хэвен, 1986. 248 с.

² Там же. С. 39–55.

³ Там же. С. 59–63; То же // Новый журн. 1985. № 160. С. 274–278.

⁴ Зеньковский С. Верный флагу: памяти Н. И. Ульянова (1905–1985) // Там же. С. 268–274.

⁵ [Самарин В. Д.]. Служение России (памяти Н. И. Ульянова) // Вече. 1985. № 18. С. 193–196. Подп.: В. С.

⁶ Ульянов Н. И. Русское и великорусское // Родина. 1990. № 3. С. 84–88; Его же. Гумилев // Человек. 1990. № 1. С. 172–177; и др.

⁷ Ульянов Н. И. Басманный философ (мысли о Чаадаеве) // Вопр. философии. 1990. № 8. С. 75–89; Его же. Замолчанный Маркс // Москва. 1990. № 10. С. 38–150; Его же. Литературные эссе / вступ. ст., сост.: В. А. Кошелев, А. В. Чернов // Рус. лит. 1991. № 2. С. 68–103. Содерж.: Памяти М. А. Алданова. С. 71–72; Б. К. Зайцев (к 80-летию юбилею). С. 73–77; Об одной неудавшейся поэзии. С. 77–82; Литературная слава. С. 82–85; Мистицизм Чехова. С. 86–93; Национализм Толстого. С. 93–103; Кошелев В., Чернов А. К царственным скифам... // Рус. провинция. 1994. № 1. С. 7–8.

⁸ Бондаренко В. Архипелаг ДР // Слово. 1991. № 8. С. 48–50; Его же. Возвращение невозвращенцев // Там же. 1992. № 1 (6). С. 51–55.

⁹ Ульянов Н. И. Басманный философ (мысли о Чаадаеве); Его же. Об одном учении в национальном вопросе // Вестн. СПбГУ. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право. 1994. Вып. 4 (27). С. 132–136; Его же. Русское и великорусское / [сост. В. М. Пискунова; коммент. Н. Б. Злобиной] // Русская идея: в кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья. М., 1994. Т. 2. С. 340–354; Его же. Зеркало украинского национализма. Лжепророк / [подгот. текста и примеч. П. Н. Базанова] // Сфинкс. № 1 (3). С. 164–180; Его же. Патриотизм требует рассуждения // Этногр. обозрение. 1996. № 5. С. 110–117; Его же. Русское и великорусское // Этногр. обозрение. 1996. № 6. С. 139–147; Его же. «Внуки Лескова»: после Бунина // Критика русского зарубежья / сост. преамбулы и примеч. О. А. Коростылева, Н. Г. Мельникова. М., 2002. Ч. 2. С. 279–325.

¹⁰ Дойков Ю. Историки // Сев. комсомолец. Архангельск, 1990. 21 апр., № 17. С. 10; Его же. Личное дело № 43, или судьба эмигранта Ульянова // Волна. Архангельск, 1991.

7 нояб., № 15. С. 5.

¹¹ Линник Ю. В. О «Мемориале» и его авторах // Спохохи. Архангельск, 1992. Вып. 1. С. 343–349.

¹² Брачев В. С., Лавров А. С. Н. И. Ульянов – историк России // Вестн. СПбГУ. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право. 1993. Вып. 4 (27). С. 129–132.

¹³ Наше наследие. 1996. № 38. С. 82–83.

¹⁴ Там же. С. 83.

¹⁵ Петров Е. В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / СПбГУ. СПб., 2001. 34 с.; Его же. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США (первая половина XX столетия): источники и историография / Рос. таможен. акад.; СПб. фил. им. В. Б. Бобкова. СПб., 2000. 160 с.; Его же. История американского россиеведения: курс лекций / Рос. таможен. акад.; СПб. фил. им. В. Б. Бобкова. СПб., 1998. 214 с.; Его же. «Русская тема» на Западе: слов.-справ. по амер. россиеведению / Рос. таможен. акад.; СПб. фил. им. В. Б. Бобкова. СПб., 1997. 172 с.

¹⁶ СПб., 2005. С. 7–14.

¹⁷ Хэмден (Коннектикут, США); Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 517–518.

¹⁸ Багдасарян В. Э. Исторические взгляды Н. И. Ульянова: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Гос. акад. сферы быта и услуг. М., 1996. 20 с.; Его же. Историография русского зарубежья: Николай Иванович Ульянов / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1997. 151 с.; Его же. Николай Иванович Ульянов // Историки России: биогр. М.: Росспэн, 2002. С. 758–763; Его же. Ульянов Н. И. // Общественная мысль Русского зарубежья: энцикл. / отв. ред. В. В. Журавлев; отв. секр. А. В. Репников. М.: Росспэн, 2009. С. 571–574; и др.

¹⁹ Базанов П. Н. «Петропольский Тацит» в изгнании // Сфинкс. 1995. № 1 (3). С. 158–164; Его же. Судьба отечественной культуры в творчестве Н. И. Ульянова // Российская культура глазами молодых ученых. СПб., 1995. Вып. 4, ч. 1. С. 13–22; Его же. Трактатка историзма в трудах Н. И. Ульянова // Историзм в культуре. СПб., 1998. С. 68–74; Базанов П. Н. Н. И. Ульянов // Вече: альм. рус. философии и культуры. СПб., 1999. С. 170–182; Его же. Н. И. Ульянов – петербургский историк в политической эмиграции // Зарубежная Россия: 1917–1939 гг. СПб., 2003. Кн. 3. С. 104–111; и др.

²⁰ Отклики. Нью Хэвен, 1986. С. 65–70.

²¹ Сфинкс. СПб., 1995. № 1 (3). С. 201–213.

²² Прозоров В. В. Николай Иванович Ульянов – литературовед русского зарубежья // Литературоведение на пороге XXI в.: материалы междунар. науч. конф. (МГУ, май 1997 г.). М., 1998. С. 325–330; Арефьева А. А. Интерпретация культуры «Серебряного века» в эссеистике Н. И. Ульянова: (портрет Б. К. Зайцева) // Русская классика XX в.: пределы интерпретации: сб. материалов науч. конф. / РАН, ИРЛИ (Пушк. Дом); М-во образования Рос. Федерации, Ставропол. гос. пед. ин-т. Ставрополь, 1995. С. 66–69.

²³ Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции: биобиблиогр. очерки / Рос. гос. б-ка, НИО библиогр. М.: Пашков дом, 2005. С. 267–307.

²⁴ Терюков А. И. Н. И. Ульянов и его «Очерки истории народов Коми» // Деятели русской науки XIX–XX вв. СПб., 2000. Вып. 2. С. 173–184; Куратов А. А. Ульянов Николай Иванович // Поморская энциклопедия. Архангельск: Поморск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001. Т. 1: История архангельского Севера. С. 415; Таскаев М. В., Жеребцов И. Л. Революция и гражданская война: итоги и задачи изучения // Историография Коми: сб. ст. / Рос. акад. наук, Урал. отд., Коми науч. центр, Ин-т яз. лит. и истории. Сыктывкар, 1999. С. 48–57. (Материалы по истории Коми; вып. 2).

²⁵ М., 1992. 48 с.

²⁶ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996. XII, 286 с. Репринт. Вых. дан. ориг.: Нью-Йорк, 1966.

²⁷ М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2004. 416 с. (Горячая линия).

²⁸ М.: Грифон, 2007. 296 с.

²⁹ М., 1993. С. 5–118. (Всемирная история в романах; вып. 1: Падение великих империй).

³⁰ Роман-газета. 1994. № 1 (1223). С. 3–48.

³¹ Ульянов Н. И. Атосса. М.: Роман-газета, 1994. 143 с.

³² Русские философы: конец XIX – середина XX в.: биогр. очерки; библиогр.; тексты соч. / Рос. гос. б-ка. М.: Кн. палата, 1996. [Вып. 3 / сост. Л. Г. Филонова]. 324 с.

³³ Академическое дело 1929–1931 гг. / Б-ка РАН. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению С. Ф. Платонова. С. 52–55.

³⁴ Из дела Бориса Ивановича Алмазова // Там же. С. 551–552.

³⁵ Дейч Г. М. Записки советского архивиста. Коллекция документальных материалов по истории евреев в России. Печатные труды. М.: О-во «Еврейское наследие», 1996. 32 с.; Его же. Воспоминания советского историка. СПб.: Д. Буланин, 2000. 244 с.

³⁶ Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни. СПб.: Европ. дом: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге: Фонд регион. развития, 1996. 367 с. (Дневники и воспоминания петербургских ученых).

³⁷ Терапиано Ю. К. «...В памяти эта эпоха запечалилась навсегда...»: письма Ю. К. Терапиано к В. Ф. Маркову (1957–1966) / публ. О. А. Коростелева, Н. Шерот // Минувшее. 1998. № 24. С. 240–378; Иванов Г. Девять писем к Роману Гулю / публ. Г. Поляка; коммент. А. Арьева // Звезда. 1999. № 3. С. 138–158; Одоевцева И. «...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975) / публ. О. Коростелева, Ж. Шерона // In memoriam: ист. сб. памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 398–518; «...Мир на почетных условиях...»: переписка В. Ф. Маркова с М. В. Вишняком: 1954–1959 / публ. О. Королева, Ж. Шерона // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 557–584; Карпович М., Гуль Р. Письма о «Новом журнале» // Новый журн. 2002. № 226. С. 21–62; Адамович Г. «Верной дружбе глубокий поклон»: письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958–1965) / публ. Ф. Черкасовой // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб., 2003. Т. 5. С. 558–608; Адамович Г. Сто писем Георгия Адамовича Юрию Иваску (1935–1961) / публ. Н. А. Богомолова // Там же. С. 402–557; Адамович Г. Письма Георгия Адамовича А. В. Бахраху

(1969–1972) / публ. и примеч. В. Крейд // Новый журн. 2003. № 230. С. 130–151; Кленовский Д. «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: письма Д. И. Кленовского В. Ф. Маркову: 1952–1962 гг. / публ. О. Коростелева, Ж. Шерона // Диаспора: нов. материалы. СПб., 2001. Т. 2. С. 585–693.

³⁸ Анкета арестованного / [Арх. УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленингр. обл. Ф. арх.-следств. дел. Д. П–71288. Т. 1. Л. 11–11 об.] / публ. П. Н. Базанова // Право на имя: биография XX в.: 6-е чтения памяти Вениамина Иофе, СПб. 20–22 апр. 2009 г. / НИЦ «Мемориал»; Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. СПб., 2010. С. 84–86; «Характеристика» [Архангел. гос. арх. общ.-полит. движений и формирований. Ф. 872. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.] / публ. и коммент. П. Н. Базанова // Там же. С. 86; «Автобиография» / [Гуверовский арх. США. Коллекция Николаевского. Коробка 744. Папка 1 (Н. И. Ульянов). Л. 1] / публ. и коммент. П. Н. Базанова // Там же. С. 87–88.

³⁹ Арх. РАН (Москва). Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 112.

⁴⁰ Удойков Ю. Личное дело № 43, или судьба эмигранта Ульянова // Волна. Архангельск, 1991. 7 нояб., № 15. С. 5.

⁴¹ Багдасарян В. Э. Ульянов Н. И. // Общественная мысль Русского зарубежья: энцикл. М., 2009. С. 571.

⁴² Архангельск. гос. арх. общ.-полит. движений и формирований. Ф. 872. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

⁴³ Крыжицкий С. Н. И. Ульянов // Отклики. Нью Хэвен, 1986. С. 59.

⁴⁴ Ульянов Н. О сути // Новый журн. 1967. № 89. С. 77–78.

⁴⁵ Арх. РАН (Москва). Ф. 359. Оп. 3. Д. 88. Л. 112.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 4421. Л. 1–3.

⁴⁷ Академическое дело 1929–1931 гг. / Б-ка РАН. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. С. 55.

⁴⁸ Платонов С. Ф. Проблема русского Севера в новейшей историографии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 113; ОР РНБ. Ф. 585. Д. 637. Л. 8.

⁴⁹ Арх. РАН (Москва). Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 106.

⁵⁰ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М.: Высш. шк., 1993. С. 39.

⁵¹ Ульянов Н. И. С. Ф. Платонов // Спуск флага. New Haven, 1979. С. 127.

⁵² Там же. С. 125–135.

⁵³ Ann Arbor: Эрмитаж, 1981. 230 с.

⁵⁴ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive (далее – BAR) W. Weidle Papers. Box. 3. Fails: Письма Н. И. Ульянова (Нью-Хейвен) к В. В. Вейдле: 1965–1967 гг. Письмо от 8 июня 1966 г.

⁵⁵ Цит. по: Коряков М. Галилеи нашего времени // Новое рус. слово. 1958. 27 мар. С. 8.

⁵⁶ Там же. С. 8.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Арх. РАН (Москва). Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 107.

⁵⁹ Там же. Л. 106.

⁶⁰ Там же. Л. 109.

⁶¹ См., например: Багдасарян В. Э. Историография русского зарубежья. С. 5.

- ⁶² Арх. УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленингр. обл. Ф. арх.-следств. дел. Д. П–71288. Т. 1 (далее – Арх. УФСБ). Л. 11–11 об.
- ⁶³ Гуверовский арх. Коллекция Николаевского. Кор. 744. Папка 1 (Н. И. Ульянов). Л. 1.
- ⁶⁴ Арх. РАН (Москва). Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 96.
- ⁶⁵ Социал-демократические листовки 1894–1917: библиогр. указ. Т. 1. Листовки центральных учреждений и заграничных организаций / под ред. Б. П. Бирмана, Г. И. Крамольника, П. С. Сенниковского; [сост. Л. И. Радченко, Я. С. Рогинский, Н. И. Ульянов, под рук. С. Н. Валка]. Л.: Соцэкономгосиздат, 1931. 483 с.
- ⁶⁶ М.; Л.: Партиздат, 1932. 182 с.
- ⁶⁷ Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. С. 50–51; Рабинович М. Б. Указ. соч. С. 145.
- ⁶⁸ Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. С. 51.
- ⁶⁹ См.: Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. М.; Л.: Соцэкономгосиздат, 1931. 232 с.
- ⁷⁰ Гришин. Необходимо внести ясность // За пролетар. кадры. 1935. 4 янв., № 1 (76). С. 2.
- ⁷¹ Цит. по: Коряков М. Указ. соч. С. 8.
- ⁷² Брачев В. С., Лавров А. С. Указ. соч. С. 130.
- ⁷³ Терюков А. И. Указ. соч. С. 181.
- ⁷⁴ Белянцев Е. И. К историографии начального этапа некапиталистического развития Коми // Тезисы докладов ко 2-й научной региональной сессии: ист. секция / Совет по координац. и планир. науч.-ист. работ по гуманист. наукам Волго-Вят. эконом. р-на. Горький, 1965. С. 19–28; Оборин В. А. О присоединении Перми Великой к Русскому государству в XV в. // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. Сер.: Исследования по истории Урала. Пермь, 1976. Вып. 4. С. 3–14.
- ⁷⁵ Мавродин В. В. Советская историография крестьянских войн в России // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч. 1. С. 59.
- ⁷⁶ Израилевич Л. Николай Иванович Ульянов // За пролетар. кадры. 1935. 22 янв., № 3 (78). С. 2.
- ⁷⁷ Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. С. 50.
- ⁷⁸ Из личных бесед автора с Валентином Владимировичем Мавродиным (сыном В. В. Мавродина) в СПбГУКИ в 2001 г. и Надеждой Николаевной Ульяновой в Нью-Хейвене в 2001 г.
- ⁷⁹ За пролетар. кадры. 1935. 7 нояб., № 20 (94). С. 2.
- ⁸⁰ Брачев В. С., Лавров А. С. Указ. соч. С. 130.
- ⁸¹ Арх. УФСБ. Л. 15, 79.
- ⁸² Дейч Г. М. Воспоминания советского историка. С. 51.
- ⁸³ Арх. УФСБ. Л. 52.
- ⁸⁴ Там же. Л. 82.
- ⁸⁵ Линник Ю. В. Указ. соч. С. 348.
- ⁸⁶ «Внуки Лескова» // Возрождение. 1952. № 22. С. 166.
- ⁸⁷ Из дела Бориса Ивановича Алмазова: агентурное донесение [Соловецкой тюрьмы] «Белиманова». 1 акт. Принял Прохоров, 9/VI–37 г. Сов. секретно // Ленинградский мартиролог: 1937–1938. СПб., 1998. Т. 36: Ноябрь 1937 г. С. 551–552.
- ⁸⁸ Крыжицкий С. Указ. соч. С. 62.
- ⁸⁹ Муравьев П. Жизнь – это творчество // Отклики. Нью Хэвен, 1986. С. 41–42.
- ⁹⁰ Гуверовский арх. Коллекция Николаевского. Кор. 744. Папка 1 (Н. И. Ульянов). Л. 1.